

ПЕРВЫЕ ШАГИ на коротких волнах

Ф. Лбов

К концу 1924 г. в мире насчитывалось уже несколько десятков тысяч любительских радиостанций — только в США их было более 10 тысяч. Среди немногих стран, не представленных пока в любительском эфире, была и такая огромная страна, как Советский Союз, на долю которой выпали и события 1917 г., и последовавшая за ними гражданская война...

Декреты 1923 г. и 1924 г. открыли дорогу к коротковолновому радиолюбительству в нашей стране. Дело теперь было совсем за малым — за появлением первой, как тогда говорили, частной радиостанции. Произошло это 90 лет назад, в январе 1925 г. — в международном эфире прозвучал позывной R1FL (Россия Первая Фёдор Лбов).

Сигналы малоомного нижегородского передатчика сразу были приняты в далёком Ираке. Это был наш первый рекорд в любительской связи и ассоциируют его обычно с Фёдором Лбовым, что естественно — его имя и фамилия прозвучали в позывном! Между тем в создании передатчика и в его использовании самое непосредственное участие принимал и коллега Лбова по нижегородской лаборатории Владимир Петров. Это никогда не было тайной, но как-то со временем позабылось. Хорошо об этом периоде написано в статье самого Фёдора Лбова, опубликованной в связи с 15-летием КВ радиолюбительства в СССР в журнале "Радиофронт" № 9 за 1940 г. (Стиль оригинала статьи сохранён).

Первый советский коротковолновик Ф. А. Лбов у собранного им передатчика (1925 г.)

В конце мая 1924 г. президиум Нижегородского Губисполкома выдал разрешение на "радиотелефонную станцию с передатчиком мощностью до 1/2 л. с. и длиной волны не свыше 200 м для любительских целей и опытов по радиопередаче и приёму".

Это было на заре радиолюбительства. В городе, над самой Волгой, в здании общежития семинаристов работала радиолaborатория им. Ленина. Набережную украшали две железных мачты с антеннами, в окна здания светились малоизвестные тогда электронные лампы, а с крыши начинал кричать громкоговоритель.

Журналы "Техника связи", "Радиолучитель" и ряд иностранных журналов сообщили об успехах коротковолновой любительской связи за границей.

У нас короткие волны использовались только для лабораторных целей.

В исследовательских учреждениях собирались генераторы на кв и даже укв. В Нижегородской радиолaborатории проф. Татаринов применял волны до 2,4 м для разработки антенн длинноволновых станций на моделях. Однако никто ещё не пытался дать CQ на коротких волнах.

Работая в радиолaborатории им. Ленина, я читал иностранные журналы. В немецких и французских разбирался сам, с английскими справлялся мой товарищ по радиолaborатории В. М. Петров. Днём я занимался конструированием дешёвого приёмника, чтобы слушать Коминтерн, В. М. Петров — измерением сеточных токов в новых лампах М. А. Бонч-Бруевича. Вечерами мы решили у меня дома заняться короткими волнами. Условились, что на мне будет лежать вся "материальная часть" и ответственность (разрешение Губиспол-

кома было дано мне), а В. М. Петров будет действовать ключом: он перед этим слушал много КВ-станций, владел Морзе и освоил любительский код.

Первый передатчик был собран на столе: запросто лежала на нём спираль контура, разделительные конденсаторы, всё это было соединено между собой летучими проводами. Две лампы-десятиваттки, какие радиолaborатория выпускала для телефонных трансляций, накаливались от аккумулятора 6 В. Анодное напряжение они получали от 400-В мотора, обращённого в динамо. Всё оборудование помещалось в каморке, отделившейся в сенях. Площади в 4 м² было довольно, но климат в "laborатории" был плох. Маленькая печь создавала нестерпимый зной на уровне головы, зато ноги застывали даже в валенках.

Часов в одиннадцать вечера 15 января 1925 г. "загнали" в антенну около ампера и решили поработать ключом. Тут же пришлось изобрести позывной — русская, первая, ФЛ — R1FL (его после некоторые читали "рифль"). В течение

получаса с немалым волнением В. М. отстукал несколько раз CQ, сообщая qra и pseql и qrk, потому что волномера в те дни у нас еще не было.

Через двое суток ночью меня разбудил неожиданный стук в дверь. Прибыла совершенно удивительная телеграмма по-английски, из которой можно было понять, что наше CQ принято громко неким GHN2, qra которого — Schergat.

Телеграмма произвела на нас обоих совершенно ошеломляющее впечатление. Стали искать, что такое Schergat, где он? Мысль, что связь дальняя, никак не укладывалась в сознании, и в числе разных предположений было высказано и такое: живёт в г. Сергаче (Нижегородской губ.) бывший военный радист, услышал нас и прислал депешу по-английски, чтобы нас не выдать.

GHN2 сообщал, что будет нас слушать в 18 GMT, поэтому мы его звали 18 января. В следующую ночь была получена служебная телеграмма, указывающая, что первая телеграмма была из Schergat (местечко близ Мосула — Ирак). Отыскав во Всемирном Атласе пункт, указанный в телеграмме, мы прикинули расстояние. Оказалось неплохо — около 2500 km. Тогда о произведённом опыте было рассказано М. А. Бонч-Бруевичу, который, как и все другие специалисты радиолоборатории, принял это известие с большим оживлением. Радиолоборатория в то время готовила серию систематических опытов связи

Нижегородский радиолобитель В. М. Петров — первый оператор коротковолновик (рисунок из журнала "Радиофронт", 1939, № 15-16)

на коротких волнах. Опыты велись в феврале-марте 1925 г., и передатчик радиолоборатории был слышен на всём земном шаре.

Передатчик R1FL был тут же упорядочен, собран на деревянной панели, накал ламп переведён на переменный ток.

В феврале, марте опыты продолжались, передачи R1FL были приняты под Парижем, в Лондоне, а затем по мере укорочения длины волны QSL потекли отовсюду, вплоть до Австралии.

"Wireless World" в февральском номере 1925 г. писал:

"Русский любитель услышан. Рано или поздно русские любители должны были заставить Западную Европу их услышать. Это, очевидно, произошло впервые при посредстве передатчика в Нижнем Новгороде, его позывные R1FL сигналы были приняты в 9.20 вечера GMT 19 января".

К этому периоду относится и моя первая встреча с самым знатным радистом и радиолобителем СССР — Э. Т. Кренкелем. Он приезжал в Нижегородскую радиолобораторию познакомиться с её работами в области кв-связи, охотно беседовал с молодёжью, рассказывал ей о практике полярных зимовок. В моей рабочей книжке сохранился записанный рукою тов. Кренкеля его адрес: до 15 июля — Москва, а с августа — Маточкин Шар...

Построенный 0-У-2 дал возможность вести регулярно QSO. С июля 1927 г. мне было поручено строить радиовещательный узел — студию, усилители, радиостанцию для Губисполкома. В это дело пришлось уйти целиком, и с тех пор передатчик R1FL замолк. К тому времени в эфире говорили уже сотни советских любителей.